

RUSSIA 2011 ИТАЛИЯ
ITALIA 2011 ROSSIA

**«ИТАЛИЯ - РОССИЯ:
ПАРАДИГМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ»**

БЕРГАМО, 28 МАРТА 2011 г.

**«ITALIA - RUSSIA:
PARADIGMI DELLA COMUNICAZIONE
INTERCULTURALE»**

BERGAMO, 28 MARZO 2011

**СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
I МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА
МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Белгород - Бергамо

2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
Полонский А.В. <i>Современность и межкультурная коммуникация</i>	5
Перси У. <i>Коммуникативно-языковые запреты в переводе</i>	10
Глушкова В.Г. <i>Глобализация и общечеловеческие ценности</i>	12
Белоедова А.В. <i>Проблемы межкультурной коммуникации, представленные в журнале «Русский репортер»</i>	14
Сагурно Я. <i>Образы Италии и России на сайтах официальных учреждений</i>	16
Алексеева Е.А. <i>Образ Италии в «Российской газете»</i>	22
Бенальо Л. <i>Отклики диалога между итальянским католицизмом и русским православием в итальянской прессе</i>	26
Папаньи А. <i>Отклики диалога между итальянским католицизмом и русским православием в итальянской прессе (продолжение)</i>	30
Беломирская Е.С. <i>Особенности межкультурной коммуникации журналиста-блогера (на материалах журналиста Дмитрия Соколова-Митрича)</i>	35
Санджинето К. <i>Отклики миланской мировой премьеры «Дяди Вани» А. Кончаловского в итальянской прессе</i>	38
Донникова М.С. <i>Интеллигенция как репрезентант мира «своих» в публицистике Татьяны Толстой</i>	41
Ада Я. <i>Газопровод «Южный Поток»: российско-итальянский проект</i>	46
Валло А. <i>Освещение в русской и итальянской прессе проблем, связанных с проектом газопровода «Южный поток»</i>	48
Коржовская Е.В. <i>Грузино-южноосетинский конфликт на страницах интернет-версии «Российской газеты»: этапы освещения, уровень толерантности</i>	51
Полонский А.В., Полонская Е.А. <i>Музыкальные указания и межкультурный контекст</i>	55
Арабьяг Р. <i>Интернет-проект «Московские новости» как тип прессы</i>	58
Полонский А.В. <i>«СМИ и межкультурная коммуникация» – научно-практическое направление подготовки магистрантов в НИУ «БелГУ»</i>	64
Об авторах	66

КОММУНИКАТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЗАПРЕТЫ В ПЕРЕВОДЕ

В процессе межкультурной коммуникации перевод по своей природе играет роль первостепенной важности. Термин «межкультурная коммуникация» не касается только какого-то добродушного желания ознакомиться с другими культурами, но может иметь значение сугубо практическое и относиться, например, к феноменам, связанным даже с развитием стран.

Весьма красноречива в этой перспективе история России первых десятилетий XVIII века. В то время переводчики, или, как тогда говорили, толмачи, играли важнейшую роль в «переводе» России из статуса страны, отсталой в разных секторах социальной и экономической жизни, до статуса европейской державы высокого ранга. Не было бы переводов, было бы невозможно и вводить в страну все ноу-хау, необходимые ее развитию.

Конечно, сегодня глобализация стерла подобные культурные различия. В наши дни, особенно в контексте экономически более или менее развитых стран, труднее найти вопиющие противоречия, все кажется более гомогенно благодаря информации, которая течет по невидимым, но весьма действенным каналам, способным, и в этом мы можем убедиться на примере сегодняшних событий в мусульманских странах, колебать и даже свергать укоренившиеся политические режимы.

Однако если коммуникация среди культур облегчена, это вовсе не значит, что все барьеры рухнули, и, слава Богу, хочется сказать, потому что снятие всяких барьеров привело бы к отсутствию не только пестроты культурной панорамы, но и к nivelированию вкусов и этнокультурных опытов.

Барьеры между культурами не должны рушиться. Они должны существовать, чтобы мы их преодолевали, чтобы мы через них «перепрыгивали», видели, что за ними есть, и, обогащенными новым опытом, возвращались к себе домой; чтобы мы с трудом добывали новое, потому что только в труде мы приобретаем значительное развитие, долговечное обогащение и, в конце концов, настоящее удовольствие.

Поскольку, как говорят французы, «tout se tient» (*все связано*), подобным образом и перевод, как форма коммуникации, имеет свои барьеры, поставленные особенностями не столько языков, сколько культурных кодов и реалий. Снять эти барьеры в процессе перевода легко: переводчик имеет возможность, если не право, освободить текст от всех препятствий, от всех запретов, представленных «непереводимостями», чтобы ему самому было легче работать, а читателю читать. Однако в результате получился бы текст, безусловно, гладкий, текущий, но и бесцветный, анонимный, своего рода, цитируя Ф. Гегеля, «темная ночь, в которой все коровы черны».

Чтобы переведенный текст не стал анонимным, то есть «обескультуренным», переводчик обязательно должен стараться находить адекватные формы, а когда это невозможно, он должен оказаться не только экспертом в обоих языках, но и в достаточной мере знатоком культур, обозначенных этими языками, историком, географом, искусствоведом и т.д., чтобы снабдить перевод нужными объяснениями, без которых текст был бы непонятным. Однако переводчик должен обладать и чувством меры, так как избыток сносок мешает чтению, и утомленный читатель просто отбросит книгу. В итоге не осуществится никакая коммуникация. Хуже того, читатель почувствовал бы себя оттолкнутым от той культуры, с которой он хотел глубже познакомиться.

Когда я говорю «стараться находить адекватные формы», я имею в виду случаи, представленные следующим примером. В статье под названием «Поль-Мари Верлен» Б. Пастернак пишет: «*Был в расцвете и шел к своему концу девятнадцатый век с его капризами, самодурством промышленности, денежными бурями*» и т.д. Даже опытный переводчик окажется в тупике перед словосочетанием «самодурство промышленности». Безусловно, можно прибегнуть к исторически-политическому понятию «деспотизм» или к слову «произвол», не передающим, однако, ту русскую культурологическую окраску, на которую Пастернак вероятно намекал, говоря о европейском предпринимательстве, то есть самодурстве старых русских купцов со всей их умственной узостью, упрямством и жестокостью. Однако учитывая, что этот намек только возможен, что объяснение феномена самодурства занимало бы довольно большую сноску, бесполезно отвлекающую читателя, в таком случае следует, в том, что касается перевода на итальянский язык, решить проблему используя выражение «*gli arbitri del capitalismo*», так как «*arbitrio*» (то есть *произвол*) соответствует поведению как русских купцов, так и тогдашних европейских предпринимателей, а «*capitalismo*» — термин шире «промышленности» и позволяет включать и русских купцов, являющихся предтечами современного капитализма в России. Опытный переводчик должен уметь оценить объем смыслового «остатка» и решить, стоит ли ему оказать внимание или просто им пренебречь.

Примеры, взятые из народных пословиц, являются в этой перспективе еще более убедительными. На редкость подходящий пример, предложенный Бруно Озимо, автором книги «*Manuale del traduttore*» («Пособие переводчика»). Перед недоумением переводчика, не знавшего, как перевести русскую пословицу «*любишь кататься — люби и саночки возить*», содержащуюся в одном из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина, издательский редактор предложил решение, безусловно, точь-в-точь подходящее, но немыслимое ввиду исторического развития техники. В самом деле, он предложил не пословицу, а итальянскую поговорку «*Ma! voluto la bicicletta? Adesso pedala!*» («Хотел велосипед? Теперь крути педали!»). Здесь запрет двойной: от языка, поскольку нет подобной итальянкой пословицы, и от истории техники, поскольку во время Салтыкова-Щедрина еще не было велосипедов. Однако, если переводить дословно цитируемую русскую пословицу, в конце концов можно, потому что читателю все равно будет понятно, что бывают случаи, в которых дословный перевод просто невозможен.

Возьмем еще один пример из книги Б. Озимо. Если перевести с китайского вопрос «*Ты поел?*» не представляет никакой трудности, то как быть переводчику, если этот вопрос — приветствие? Западному читателю покажется весьма странно, что человек, встречающий другого, его прямо спрашивает о ситуации его желудка. Дело в том, что голод в истории китайского народа занимает важное место, и узнать от знакомого, смог ли он утолить голод, всегда было выражением особенной сердечности. Выбор переводчика в этом случае не может не быть бескомпромиссным — или переводить обычной формулой приветствия, потеряв весь культурологический потенциал выражения, или переводить дословно, снабдив перевод объяснительным примечанием.

Такие «запреты» одного языка другому или одной культуры другой составляют барьеры, перед которыми переводчик постоянно находится. Однако в отношении с читателем переводчик имеет долг — снимать запреты, но не снимать барьеры. Надо снимать или обходить запреты, чтобы предоставить читателю возможность подходить

к тексту как можно удобнее, однако барьеры не надо рвать, так как они не всегда являются запретами, а только знаками различия, которые можно и нужно преодолеть. В самом деле, перевод с одного языка на другой ни в коем случае не должен оказаться и переводом с одной культуры на другую. Перевод — это языковой паспорт. Дающий нам возможность войти в другую культурный мир, который, безусловно, должен перестать быть «чужим». Но в такой же мере должен остаться именно «другим».